
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

УДК 340.1:347.1:346.1

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН ЕАЭС

В. С. КАМЕНКОВ¹⁾, О. М. КУНИЦКАЯ²⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Дается общий обзор правовой основы создания и обращения цифровых объектов, формируемой в соответствии с государственной политикой стран – участниц ЕАЭС (на примере Беларуси, России, Казахстана). Определяется, что, несмотря на существование социальных и политических различий между странами, в число важнейших факторов, обуславливающих общественное развитие, вошли идеи цифровой экономики, в том числе применение технологии распределенных реестров. Выявляется, что задача по эффективному формированию правовых основ создания и обращения цифровых объектов не может быть решена без учета технической сущности самого цифрового знака (токена), токенизации активов и проработанной теории осуществления инвестиций. Также обозначаются перспективы формирования цифровых инвестиций, правовую природу и правовой режим которых еще предстоит определить. Устанавливается, что цифровые инвестиции институализируются исходя из политической основы их правового обеспечения, в том числе в контексте развития законодательства стран – участниц ЕАЭС и его гармонизации. Делается вывод о том, что результаты успешного правового обеспечения внедрения и развития цифровых технологий приведут к созданию более благоприятного инвестиционного климата.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровой знак (токен); токенизация; инвестиции; осуществление инвестиций; правовой режим цифровых инвестиций.

Образец цитирования:

Каменков ВС, Куницкая ОМ. Перспективы формирования инвестиционно-правового режима цифровых объектов в законодательстве стран ЕАЭС. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2026;1:62–74. EDN: TOADQA

For citation:

Kamenkov VS, Kunitskaya OM. Prospects for the formation of an investment and legal regime of digital objects in the legislation of the EAEU countries. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2026;1:62–74. Russian. EDN: TOADQA

Авторы:

Виктор Сергеевич Каменков – доктор юридических наук, профессор; независимый исследователь.
Ольга Михайловна Куницкая – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры хозяйственного права.

Authors:

Viktor S. Kamenkov, doctor of science (law), full professor; independent researcher.
finanse204@mail.ru
Olga M. Kunitskaya, PhD (law), docent; associate professor at the department of economic law, faculty of law.
volhakun@mail.ru

PROSPECTS FOR THE FORMATION OF AN INVESTMENT AND LEGAL REGIME OF DIGITAL OBJECTS IN THE LEGISLATION OF THE EAEU COUNTRIES

V. S. KAMENKOV^a, O. M. KUNITSKAYA^b

^aIndependent researcher, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: O. M. Kunitskaya (volhakun@mail.ru)

Abstract. This article provides a general overview of the legal framework for the creation and circulation of digital assets, developed in accordance with the public policies of the EAEU member states (using Belarus, Russia, and Kazakhstan as examples). It is determined that despite social and political differences between countries, digital economy concepts, including the use of distributed ledger technology, have become among the most important factors driving social development. It is revealed that the task of effectively developing a legal framework for the creation and circulation of digital assets cannot be achieved without considering the technical nature of the digital token itself, asset tokenisation, and a well-developed investment theory. The article also outlines prospects for the development of digital investments, the legal nature and legal regime of which remain to be determined. It is established that the institutionalisation of digital investments is based on the political framework for their legal support, including in the context of the development and harmonisation of legislation in the EAEU member states. Successful legal support for the implementation and development of digital technologies will lead to a more favourable investment climate.

Keywords: digital economy; digital token; tokenisation; investments; investment implementation; legal regime of digital investments.

Введение

В настоящее время цифровые технологии изменяют общественные отношения и институты, способствуя появлению новых моделей организации форм взаимодействия между их участниками. Эмпирические данные подтверждают существенное влияние данного фактора на рост благосостояния как всего мирового сообщества, так и отдельных стран, независимо от уровня развития их экономик, политического устройства, социальных целей и способов их достижения [1, с. 3].

Цифровая трансформация – это проявление качественных изменений, заключающихся не в отдельных цифровых преобразованиях, а в принципиальном изменении структуры экономики, переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов¹.

В современной юридической литературе появляется все больше исследований, посвященных правовому регулированию цифровой экономики, в которой используются цифровые технологии, в том числе с точки зрения их инвестиционных преимуществ. Ученые-правоведы рассматривают проблемы формирования правоотношений при становлении цифровой экономики, а также реализации государственной политики по их развитию в высокотехнологичных секторах экономики, обозначают основные направления совершенствования законодательства в сфере цифровых технологий [2].

Сегодня активно развивается использование криптографических технологий для создания новых цифровых продуктов, в том числе в сфере выпуска финансовых инструментов, например таких, как цифровые финансовые активы (ЦФА). Еще недавно страны не планировали вводить их специальное регулирование, а применяли по аналогии законодательство о ценных бумагах или вовсе не распространяли действующее законодательство на такие операции. В настоящее время появляются специальные правовые нормы в части выпуска цифровых финансовых активов, а также продажи и оборота таких активов на рынке [3, с. 176].

Введение в деловой оборот различного рода денежных суррогатов и имущественных прав, подтвержденных записями в тех или иных информационных системах, фактически привело к тому, что появляется «виртуальное» имущество. Совершение с таким имуществом неконтролируемых правом операций вынудило государство обратить внимание на эту проблему [4]. Наряду с прочими вопросами возникает необходимость научного осмысления содержания и правовой природы цифровых объектов (виртуальное имущество, цифровой товар (услуга), цифровые права и др.), на что направляют свои усилия ученые [5, с. 77].

Авторы исследуют терминологию цифровой экономики с позиции так называемой токеномики (понятия «распределенный реестр», «узлы сети»,

¹Цифровая трансформация. Термины и определения : СТБ 2583-2020 : введен в действие с 1 марта 2021 г. постановлением Гос. комитета по стандартизации Респ. Беларусь, 8 дек. 2020 г., № 95 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2026.

«блокчейн» и др.) и, в частности, финансовых технологий (понятия «цифровой актив», «цифровой финансовый актив», «криптовалюта», «цифровая валюта», «токен» и т. п.) [6].

Многочисленные работы посвящены исследованию правовой природы токена с точки зрения отнесения его к объектам имущественных прав, а также разработке авторских определений этого термина [7–10]. Достаточно много работ касается классификации токенов [11, с. 37–38; 12, с. 33–34; 13].

Важнейшими научными результатами являются определение авторами правового содержания конструкции «цифровые права» («утилитарные цифровые права», «цифровые финансовые активы» и др.), «цифровая валюта (криптовалюта)», «цифровой рубль» и других терминов [14; 15], а также особенностей цифровых активов [16, с. 201; 17].

Предметом научного обсуждения становятся проблемы не только выявления сущности объектов гражданских прав, созданных и размещаемых в информационных системах, но и использования их в качестве инвестиций. Такой объект, как цифровой знак (токен), заслуживает анализа в контексте их первичного размещения (*initial coin offering*) и возможного вытеснения существующих правовых режимов оборота объектов гражданских прав правовым режимом токена [11, с. 36]. Особый интерес представляют исследования возможности инвестиционного использования ЦФА и заключения инвестиционных сделок [18–20].

В свете развития цифровой экономики уже становится очевидной необходимость в разработке инновационных методов и стратегий в сфере инвестиций. Новые возможности для инвестирования заключаются в том, что цифровые активы открывают инвесторам доступ к новым классам активов и более широким возможностям диверсификации портфеля [21, с. 94–95]. Цифровые права, привязанные к различным активам и оформленные через запись в блокчейн, должны быть доступны всем инвесторам, при этом необходимо соблюдать определенные требования, которые устанавливаются для наиболее полного использования потенциала этой технологии, обеспечив защиту прав инвесторов.

Наряду с положительной стороной использования в инвестировании объектов гражданских прав, созданных и размещаемых в информационных системах, в этой сфере существуют уязвимые места и угрозы, способствующие возрастанию рисков отмывания денежных средств и финансирования терроризма (далее – ОД и ФТ). Анализ отчетов независимой межправительственной организации ФАТФ (*financial action task force*) и других международных организаций, а также изучение судебной практики по делам, связанным с незаконными операциями с ЦФА, показывают повышение интереса мошенников к новым инструментам финансирования. Трансграничная

природа операций с ЦФА, обеспечивая беспрецедентную скорость и доступность расчетов, одновременно усложняет регуляторный контроль. Таким образом, с учетом быстрого развития технологий и рынка ЦФА отмечается многоаспектность проблемы появления новых схем их криминального использования для целей ОД и ФТ [22]. Несмотря на положительные характеристики блокчейн-технологий, признак децентрализации, присущий им, а также отсутствие нормативной базы, регулирующей их использование, могут способствовать развитию киберпреступности в стране [23, с. 215]. По этой причине остро встает вопрос о механизмах обеспечения прав инвесторов и иных участников инвестиционных отношений в рамках цифровой экономики.

Совершенствование законодательства в отношении цифровых прав и иных цифровых объектов имеет большое значение. Потребность в эффективном регулировании цифровых прав, распоряжении ими в целях использования всех возможностей цифровых технологий определяет вектор развития законодательства, способствует отражению в его нормах приоритетов социально-экономического развития [24, с. 35].

С точки зрения инвестиционного процесса понимание правовой природы таких явлений, как цифровые активы, токенизация активов, осуществление операций с токенизированными активами, позволит решить вопрос о возможности объединить цифровые инвестиции в рамках единого инвестиционно-правового режима.

Целью настоящего исследования является формирование концептуального представления о правовом обеспечении использования цифровых объектов при осуществлении инвестиций, в том числе в контексте поступательного развития законодательства о данных объектах на примере отдельных стран ЕАЭС, а также определение теоретико-методологического подхода к формированию правового режима цифровых инвестиций, в первую очередь с учетом сущности цифровых технологий и токенизации активов.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- определить состав и содержание государственных нормативных документов программного характера о внедрении и реализации цифровых технологий (на примере Беларуси, России, Казахстана);
- систематизировать научные знания по вопросу определения понятия, видов и правовой сущности цифровых объектов;
- обозначить направления правовой формализации цифровых объектов и перспективы их дальнейшего развития;
- выявить теоретико-методологические подходы к определению и формированию правового режима цифровых инвестиций.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания. В работе используются диалектический, логический, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, анализ и синтез, а также и другие методы научного познания. Основным теоретическим методом является диалектический метод, который позволяет объективно и всесторонне исследовать проблемы правового регулирования института цифровых объектов с помощью норм различных отраслей законодательства. Логический и системный методы дают возможность понять правовую природу цифровых объектов, их создания и обращения, а также определить их место в правоотношениях.

Особое значение при исследовании имеют такие частнонаучные методы, как формально-юридический и сравнительно-правовой. Они помогли изучить понятийный аппарат и определить видовое разнообразие цифровых объектов, выявить существ-

ующие вопросы и неопределенности, сформулировать рекомендации по их устранению, в том числе в контексте необходимости гармонизации подходов в странах ЕАЭС.

В исследовании применялись методы обобщения информации, а также синтез и критический анализ данных.

Использование междисциплинарного подхода позволило выявить сущность и технические особенности цифровых объектов для дальнейшего исследования и обоснования их как инвестиций и объектов инвестирования.

Материалами исследования послужили научные труды в области правового обеспечения токенизации активов, финансовых инноваций, а также проблем и перспектив выпуска токенов и их оборота на территории России, Казахстана, Беларуси, нормативные правовые акты стран ЕАЭС, аналитические исследования, открытые данные, включая данные операторов инвестиционных систем.

Результаты и их обсуждение

Для эффективного внедрения в экономику цифровых объектов, включая цифровые права, необходимы соответствующие условия и должный уровень развития цифровой экономики, так называемой «цифровой зрелости» соответствующих рынков.

Чтобы обеспечить успех цифровой трансформации экономики, государства разрабатывают различные документы стратегического и программного развития, которые становятся ориентиром для законодателя.

В России Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы, особое место в которой занимает цифровая экономика. В развитие данного указа впоследствии был принят ряд нормативных правовых актов программного характера о цифровой экономике, которые положили начало ее формированию [25, с. 251].

Термин «цифровая трансформация» был впервые использован в тексте Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в значении «цели развития государства». Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» также определил цифровую трансформацию экономики как одну из национальных целей развития государства.

Министерство финансов Российской Федерации совместно с федеральными органами исполнительной власти и Банком России 11 февраля 2026 г. утвердило Концепцию токенизации активов реального сектора экономики. Документ разрабатывался для внедрения цифровых инноваций, в том числе применения технологии распределенных реестров. По утвержденной концепции на первом этапе планируется пилотирование токенизации прав собственности на имущество и исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, если сделки не подлежат государственной регистрации, а также токенизации документарных ценных бумаг и долей в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью².

Как видим, в России закладывается основа для правового регулирования различных видов токенизированных активов. Ожидается принятие законодательства, основанного на данной концепции. Этот факт означает, что правовую основу получат новые инструменты инвестирования.

Аналитики ставят лидерство России в прямую зависимость от результатов токенизации активов (преобразования финансовых и нефинансовых активов в цифровую форму (токен)), что, в свою очередь, зависит от развития регуляторной среды токенизации в государстве³.

В Казахстане государственная программа «Цифровой Казахстан» была утверждена постановлением

²Утверждена Концепция токенизации активов реального сектора российской экономики // Министерство финансов Российской Федерации : сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40191-utverzhdjena_kontseptsiya_tokenizatsii_aktivov_realnogo_sektora_rossiiskoi_ekonomiki (дата обращения: 19.02.2026).

³Российский рынок токенов может достигнуть 13 трлн рублей к 2030 году // Strategy partners : сайт. URL: <https://strategy.ru/research/research/rossijskij-rynok-tokenov-mozhet-dostignut-13-trln-rublej-k-2030-godu/> (дата обращения: 19.02.2026).

Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827. В стране были запущены все компоненты программы цифровизации, включающие цифровую трансформацию традиционных отраслей, развитие человеческого капитала, цифровизацию государственных услуг и развитие цифровой инфраструктуры.

Данная программа, а также Концепция цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы, утвержденная постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269, создают условия и показывают направления для совершенствования необходимого законодательства.

В Казахстане формируется достаточно разработанная правовая основа в области цифровых активов [26, с. 268]. На данном этапе развития гражданского права в стране мнение большинства ученых сводится к тому, что цифровые активы и цифровые права не являются по своей природе новым видом имущества и имущественным правом. Они признаются лишь как способ фиксации имущества, и иной природы в этих институтах не усматривается [27, с. 42].

В настоящий момент в Казахстане, с одной стороны, законодатель признает цифровые активы как объект гражданского права (не запрещает их выпуск и оборот), с другой стороны, токенизация активов и оборот токенов фактически осуществляются лишь на территории международного финансового центра «Астана». В связи с этим обстоятельством сбалансированное регулирование выпуска и оборота цифровых активов с учетом имеющихся рисков (риски, вытекающие из статуса и определения вида токена; риски, вытекающие из регулирования токенов; риски, вытекающие из оборота и учета токенов, выпускаемых как на территории Казахстана, так и на территории зарубежных стран; риски, связанные с налогообложением оборота токенов) является необходимостью, которая продиктована современной реальностью [28, с. 106].

По состоянию на февраль 2026 г. Национальный банк Республики Казахстан начал реализацию пилотного проекта по токенизации коммерческой недвижимости в рамках регуляторной песочницы Национального банка по цифровым активам⁴. Проект предусматривает выпуск токенов, обеспеченных коммерческой недвижимостью. Недвижимость представлена в виде цифровых долей, с которыми можно осуществлять операции на специализированной платформе с использованием технологии блокчейн. Инвесторы могут приобретать токены с правом на долю в коммерческой недвижимости, совершать операции и участвовать в распределении доходов (пропорцио-

нально объему принадлежащих токенов). Пилотный проект реализуется в ограниченном регуляторном контуре (регуляторная песочница) с мониторингом технологических и операционных аспектов, а также оценкой рисков и правоприменительной практики. Этот подход поможет сформировать понятный и доступный механизм участия в операциях с недвижимостью через цифровые финансовые активы (токены) для последующего внедрения данного инструмента на рынке Казахстана⁵.

В рамках регуляторной песочницы Национального банка Республики Казахстан создана технологическая платформа токенизации недвижимости *Apartchain*, построенная на основе блокчейн-решений. Она обеспечивает выпуск, размещение и обращение цифровых активов, привязанных к реальным объектам.

В Беларуси основы государственной политики в цифровой сфере были определены в 2011 г. принятием Стратегии развития информационного общества до 2015 г., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2010 г. № 1174. Данная стратегия рассматривает в качестве основных задач создание современной информационной инфраструктуры, развитие национальной информационной индустрии, совершенствование информационных ресурсов и электронных услуг.

Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 235, включала ряд подпрограмм, содержащих системообразующие мероприятия национального масштаба. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 утверждена государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы – основной практический инструмент внедрения передовых информационных технологий в отрасли экономики и сферы жизнедеятельности общества в тот период.

Указ Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии» установил основные направления цифрового развития до 2030 г. и очередность их финансирования, включая порядок финансирования пилотных проектов в сфере цифрового развития. Кроме того, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2024 г. № 1074 утверждена Концепция обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года, которая является крайне важной в условиях быстрой динамики цифровых преобразований в мире, возникновения новых рисков, вызовов и угроз цифровому развитию государства.

⁴В регуляторной песочнице Национального банка запущен проект по токенизации недвижимости // Национальный банк Республики Казахстан : сайт. URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/informacionnye-soobshcheniya/18636> (дата обращения: 19.02.2026).

⁵Там же.

В целях дальнейшего цифрового развития страны, последовательной цифровой трансформации экономической деятельности в Беларуси разрабатывается Стратегия цифрового развития страны на 2026–2030 годы. Безусловно, данная стратегия и иные программные документы послужат основой для разработки новых или совершенствования имеющихся нормативных правовых актов в сфере цифровой трансформации экономических отношений.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 октября 2025 г. № 602 утвержден перечень государственных программ на 2026–2030 годы. В него вошла государственная программа «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2025 г. № 793, которая содержит подпрограммы «Экономика данных», «Цифровое государство», «Цифровой суверенитет».

Программа деятельности Правительства Республики Беларусь на 2025–2029 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 8 мая 2025 г. № 254, предусматривает ряд изменений, запланированы создание единого подхода к регулированию токенов и ценных бумаг, а также внедрение в практику эмиссии цифровых ценных бумаг (токенов) с использованием технологии блокчейн.

Ранее в программных документах Беларуси встречались лишь фрагментарные упоминания о распределенных реестрах и возможности создания и обращения цифрового имущества.

Формирование и реализация государственных программ, стратегий, концепций в рассмотренных государствах не могут осуществляться без учета политики ЕАЭС по данному вопросу. Решение Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» устанавливает, что государства – члены ЕАЭС самостоятельно иницируют, разрабатывают и реализуют национальные стратегии в области цифровизации экономики, связи, информатизации, а также обеспечения стабильности и безопасности единого информационного пространства и связи, включая реализацию национальных мер по развитию цифровой повестки. Таким образом, ЕАЭС фактически не имеет полномочий в указанной области, что несколько ограничивает принятие мер прямого воздействия по вопросам создания и развития цифровых экономик в странах – членах ЕАЭС. Тем не менее в настоящее время вырабатывается системность подхода к цифровой интеграции. Так, в документе «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года», утвержденном решением Высшего Евразийского экономического союза

от 11 декабря 2020 г. № 12, были зафиксированы меры по развитию цифрового законодательства.

С учетом динамичного развития интеграционных процессов в ЕАЭС особое значение уделяется сопряжению концепций развития на национальном уровне с актами, вырабатываемыми в рамках ЕАЭС. Следовательно, такая согласованность действий государствами – членами ЕАЭС должна учитываться в ходе совершенствования внутригосударственного права, которое постоянно гармонизируется с международными правовыми актами, носящими обязательный юридический характер и действующими на пространстве ЕАЭС [29, с. 109].

Вполне реалистичным выглядит развитие цифровой экономики в странах ЕАЭС, сопровождающееся стремлением к укреплению цифрового суверенитета, который предполагает создание собственных стандартов, совместимых с международными практиками, но учитывающих региональные особенности [30, с. 120].

На заседании ВЕЭС 25 декабря 2023 г. главы государств ЕАЭС подписали декларацию о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь». По итогам заседания ВЕЭС 21 декабря 2025 г. был утвержден план «Евразийский экономический путь», рассчитанный на период 2030–2045 годов. Его основные цели включают не только завершение формирования единых рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы, но и цифровую трансформацию. Регулирование направлено на гармонизацию законов о ЦФА, обеспечение кибербезопасности и создание единого цифрового пространства для свободного движения капитала.

Совместная цифровизация экономик ЕАЭС рассматривается как стратегическое направление, способное укрепить интеграцию и противодействовать внешним разобщающим факторам. Развитие цифровых платформ в ЕАЭС в последние годы превращается в один из «двигателей» экономической интеграции региона и поддерживает рост взаимной торговли даже в условиях внешнего давления [31, с. 109, 117]. Основное предназначение цифровых платформ – связать экономики стран ЕАЭС, повысив их общую конкурентоспособность и устойчивость к внешним вызовам.

Необходимость создания цифровой инвестиционной платформы в странах ЕАЭС для реализации промышленных и инфраструктурных проектов уже была анонсирована в 2019 г. [32, с. 51]. Однако до настоящего времени данную инициативу реализовать не удалось.

Как видим, в странах ЕАЭС закладывается основа для правового регулирования токенизированных активов. Значительное количество программных документов направлены на обеспечение цифровой

трансформации экономик государств. На основе этих документов принимается соответствующее «цифровое» законодательство, следовательно, правовую основу получают новые инструменты инвестирования.

Одновременно с данными процессами развивается теория о правовой сути токенизации активов и осуществления цифровых инвестиций. Без понимания названных процессов и должного их подкрепления обоснованными теоретическими и практическими разработками невозможно создание необходимого законодательства.

Токенизация активов представляет собой, во-первых, процесс цифрового отображения реальных (физических) активов в распределенных реестрах и, во-вторых, выпуск традиционных видов активов в токенизированной форме⁶. В первом случае существуют реальные активы, например, ценные бумаги, и права на такие активы привязываются или встраиваются в токены на базе технологии распределенного реестра (DLT-технологии), в частности технологии блокчейн. Во втором случае подразумевается создание финансового инструмента на основе технологии блокчейн. Выпущенные токены существуют исключительно в распределенных реестрах. К токенизированным активам могут относиться ценные бумаги (акции, облигации и др.), а также товары (золото) и другие нефинансовые активы (недвижимость) [3, с. 177].

Банк России в своем докладе определяет токенизированные активы реального мира как цифровые активы, имеющие непосредственную привязку к конкретному материальному объекту и удостоверяющие различные права на него. Выделяются две формы токенизации: 1) цифровое представление реально существующих физических активов в распределенных реестрах; 2) выпуск активов исключительно в форме токенов⁷.

В зависимости от функций токены упрощенно разделяют на три большие группы: 1) платежные токены (*payment tokens*), используемые для покупки неких ценностей и обмена ими; 2) вспомогательные токены (*utility tokens*), применяемые для предоставления доступа к какому-либо продукту или услуге через технологию блокчейн; 3) инвестиционные токены (*security tokens*), дающие право собственности на определенные активы или участие в распределении прибыли и других материальных благ [33, с. 482].

В России технологическая трансформация привела к появлению ЦФА, которые сочетают в себе свойства традиционных финансовых инструментов и преимущества технологии распределенного реестра [17, с. 117].

Среди российских ученых преобладает мнение, что в российском законодательстве к токенам больше всего применима конструкция с цифровыми правами (ЦФА, утилитарные цифровые права, гибридные цифровые права). Такие категории, как криптовалюта, токены, ЦФА и цифровая валюта, охватываются термином «цифровые активы», при этом цифровая валюта не является подвидом ЦФА (цифровых прав), а выступает самостоятельным правовым институтом [34, с. 66].

Еще в 2019 г. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» внес ряд поправок в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации), куда были включены цифровые права, которые отнесены к имущественным правам. Результатом нововведений стала норма – ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, регламентирующая правовой статус цифровых прав. Согласно данной статье цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия реализации которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом, возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Нормативной основой регулирования токенизированных активов стало специальное законодательство: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Цифровые права привязаны к информационной системе, и на криптовалюты и токены распространяется режим имущественных прав. Речь идет о ЦФА и цифровой валюте (криптовалюте), утилитарных цифровых правах (праве требовать передачи вещи (вещей); исключительных правах на результаты интеллектуальной деятельности и (или) правах использования результатов интеллектуальной деятельности; выполнения работ и (или) оказания услуг), а также о гибридных цифровых правах. Таким образом,

⁶Organisation for economic co-operation and development regulatory approaches to the tokenisation of assets // OECD : website. URL: <https://cognizium.io/uploads/resources/OECD%20-%20Regulatory%20Approaches%20to%20the%20Tokenisation%20of%20Assets%20-%202021%20-%20Feb.pdf> (date of access: 01.02.2026).

⁷Токенизация активов реального мира: экономическая природа и опыт регулирования // Банк России : сайт. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/170116/analytical_report_22112024.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права в законодательстве России являются своеобразными аналогами инвестиционных, утилитарных или гибридных токенов [35, с. 421].

В целом специфика российской модели регулирования ЦФА характеризуется особым подходом к определению правового статуса цифровых активов и порядка их обращения. Например, российское законодательство о ЦФА позволяет выпустить следующие цифровые активы, схожие с ценными бумагами: ЦФА, предоставляющие возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам; ЦФА, предоставляющие право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг; ЦФА, предоставляющие право участия в капитале непубличного акционерного общества [3, с. 179]. Достаточно детально урегулированы два способа токенизации активов: 1) токенизация путем выпуска ЦФА на существующие ценные бумаги; 2) токенизация путем выпуска акций в DLT-системе, где происходит учет и хранение таких акций без необходимости обращения к традиционным депозитариям. Стоит отметить, что ЦФА выпускаются на ценные бумаги, однако ЦФА и ценные бумаги регулируются разными правовыми актами и представляют собой разные правовые сущности [3, с. 179].

Все вышеупомянутые цифровые продукты базируются на технологии блокчейн, которая представляет собой упорядоченную по строгим правилам последовательность блоков, в которых хранится информация. Этот метод основан на криптографии, где блоки (записи) связаны в непрерывную цепочку, что исключает возможность корректировки информации в прошлом, так как это нарушило бы целостность цепочки. В таких регистрах записи – это токены, которые являются единицей учета данных в блокчейне [21, с. 94].

Цифровая валюта (криптовалюта) не удостоверяет, в отличие от ЦФА, обязательственных, корпоративных или иных гражданских прав, а лишь представляет собой экономическую ценность [4]. С учетом того, что только вещи могут быть собственностью, можно определить вещную природу цифровой валюты (криптовалюты). Однако у ученых нет однозначного мнения по этому вопросу. Криптовалюта расценивается как «иное имущество» [36, с. 136; 37, с. 106] либо относится к категории вещей или «бестелесных вещей» [38, с. 132; 39, с. 157].

Законодательство Российской Федерации допускает использование цифровой валюты как средства платежа или инвестиций с учетом установленных ограничений, т. е. законодатель прямо разрешил заниматься этим видом инвестирования.

Несмотря на то, что цифровые активы и криптовалюта опираются на технологию блокчейн, они не представляют собой одно и то же явление, поскольку цифровые активы не обладают свойством

децентрализации, в отличие от криптовалют, для которых это свойство основополагающее [21, с. 94].

В Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» цифровая валюта признается имуществом. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и иное законодательство, направленное на пресечение коррупционной деятельности отмыwania денег, также определяют цифровую валюту как имущество.

Наконец, законодательное развитие получает цифровой рубль. Благодаря изменениям, внесенным в законодательные акты Российской Федерации, которые закрепили правовую архитектуру цифрового рубля, в том числе по вопросам национальной платежной системы и Банка России, цифровой рубль был встроен в действующую систему денежного обращения и платежей, также были закреплены базовые ограничения. Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определяет порядок внедрения расчетов цифровыми рублями, поэтапные сроки подключения банков, продавцов, исполнителей и владельцев агрегаторов к операциям с цифровыми рублями, закрепляет механизм универсального платежного кода (QR) (с 1 сентября 2026 г.).

Цифровой рубль – это уникальный цифровой код, который хранится в цифровых кошельках на специальной платформе Банка России.

Таким образом, у рубля в настоящее время, помимо наличной (банкноты и монеты) и безналичной (деньги на банковском счете) форм, появляется цифровая форма. Все три формы равноценны, однако нельзя открыть вклад или получить кредит в цифровых рублях. На остаток кошелька в цифровых рублях не начисляются проценты.

В Казахстане также осуществляется попытка по формированию правовой базы для развития технологии блокчейн и цифровых активов. В целях реализации государственных программ, концепций цифровой трансформации были внесены соответствующие изменения и дополнения в законодательство Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий.

Государство развивает рассматриваемое регулирование постепенно, начав с пилотного проекта в международном финансовом центре «Астана» (далее – МФЦА). В рамках МФЦА создан специальный режим для участников, включающий требования к лицензированию и регистрации [40, с. 131].

Закон Республики Казахстан от 25 июня 2020 г. № 347-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики

Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий» внес поправку в п. 2 ст. 115 Гражданского кодекса Республики Казахстан. В соответствии с ней к имущественным благам и правам (имуществу) были отнесены цифровые права. Согласно п. 3-1 ст. 116 Гражданского кодекса Республики Казахстан понятие и виды цифровых активов, а также особенности оборота цифровых активов определяются законодательством Республики Казахстан, актами МФЦА. Понятие цифровых прав и их определение содержались в Законе Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. № 418-V ЗРК «Об информатизации». Позже был принят Закон Республики Казахстан от 6 февраля 2023 г. № 193-VII ЗРК «О цифровых активах в Республике Казахстан», куда была перенесена уточненная необходимая терминология.

На территории Республики Казахстан выпуск токенов и их оборот как цифрового актива на бирже цифровых активов осуществляется в порядке, установленном вышеупомянутым законом. Обеспеченный цифровой актив должен соответствовать следующим требованиям: 1) удостоверяет право на материальные, интеллектуальные услуги и активы, за исключением денег и ценных бумаг; 2) иметь решение о выпуске обеспеченного цифрового актива; 3) не являться расчетной денежной единицей, законным платежным средством; 4) не признаваться финансовым инструментом или финансовым активом; 5) иметь запись в сети блокчейн о перемещении актива и (или) права на имущество. Цифровой актив, не соответствующий указанным требованиям, не относится к обеспеченным цифровым активам. Обеспеченные и необеспеченные цифровые активы в Казахстане не могут использоваться для оплаты товаров и услуг, кроме цифрового тенге. Все операции с цифровыми активами должны осуществляться через лицензированные биржи (например, МФЦА).

Закон Республики Казахстан от 16 января 2026 г. № 258-VIII ЗРК «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан» и Закон Республики Казахстан от 16 января 2026 г. № 259-VIII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования и развития финансового рынка, связи и банкротства» установили комплексный правовой режим для выпуска ЦФА и оборота необеспеченных криптовалют, а также требования к инфраструктуре их обращения и полномочия регулирующих органов.

Введение регулируемого оборота необеспеченных цифровых активов (криптовалют) через лицензируемых провайдеров услуг цифровых активов позволило легализовать механизм перевода криптовалюты деньги, обеспечить защиту прав граждан и прозрачность операций.

В итоге в Республике Казахстан вводится три вида ЦФА:

1) стейблкоины, т. е. ЦФА, базовым активом которых выступают деньги. Требования к порядку, усло-

виям выпуска, обращения и погашения стейблкоинов определяются Национальным банком Республики Казахстан. К ЦФА применяются требования, аналогичные установленным для традиционных финансовых инструментов, включая требования к управлению рисками, раскрытию информации и защите прав инвесторов;

2) обеспеченные ЦФА, которые представляют собой цифровые активы, обеспеченные базовым активом ((товарами, иными ценностями), за исключением стейблкоинов);

3) необеспеченные цифровые активы, т. е. криптовалюты, для которых предусмотрено создание организаций по обмену криптовалют. Их деятельность лицензируется и регулируется Национальным банком Республики Казахстан. Для защиты инвесторов устанавливаются перечень разрешенных к обращению криптовалют, а также лимиты и ограничения по операциям криптообменников. В целях противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма криптообменники и инфраструктурные участники рынка цифровых активов включаются в перечень субъектов финансового мониторинга.

Законодательно Республики Казахстан закрепляет за цифровым тенге статус новой формы национальной валюты. Порядок обращения и использования этой денежной единицы определяется Национальным банком Республики Казахстан. Цифровой тенге выступает законным платежным средством на территории Казахстана, его единственным эмитентом является Национальный банк Республики Казахстан. Взаимодействие с цифровым тенге будет осуществляться через участников финансового рынка.

В условиях реализации концепции перехода к полностью цифровому государству принятый в Республике Казахстан Цифровой кодекс выступает в качестве комплексной правовой основы цифровой трансформации всех сфер общественных отношений. В сфере новых технологий документ предусматривает регулирование смарт-контрактов, распределенных систем и автоматизированных решений. Закрепляются меры по защите данных и кибербезопасности. В ст. 20 Цифрового кодекса Республики Казахстан цифровые объекты и их виды включаются в цифровые активы. Согласно ст. 22 этого кодекса цифровыми активами признаются те цифровые объекты, которые отнесены к таковым в соответствии с законом о цифровых активах, принятым в государстве.

Положения данного кодекса о цифровых объектах применяются к цифровым активам в части, не урегулированной законом о цифровых активах (особенности создания (эмиссии), выпуска, обращения, хранения, учета, прекращения обращения и иные отношения, связанные с цифровыми активами и производными от них финансовыми инструментами).

Таким образом, Казахстан предпринимает усилия по созданию обстановки, благоприятной для

привлечения инвестиций (п. 2. ст. 102 Цифрового кодекса Республики Казахстан).

В Беларуси оборот токенов начался с 2017 г., как только законодательно был закреплён смарт-контакт. По своим характеристикам они во многом тождественны облигациям, которые дают возможность получения дохода в течение срока действия обязательств, а по окончании этого срока – возможность полного возврата инвестированной в их приобретение денежной суммы [33, с. 483].

По своей экономической сути токены, продающиеся, например, на сайте www.finstore.by, который является онлайн-платформой, выступают аналогом цифровых облигаций. Каждый токен имеет номинальную стоимость, фиксированную ставку доходности и ограниченный срок обращения.

В Беларуси обращение цифровых знаков (токенов) регулируется Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О цифровой экономике» (далее – Декрет № 8) и Указом Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)», который устанавливает запрет на внебиржевые операции с криптовалютой для физических лиц и индивидуальных предпринимателей. Цифровые знаки (токены) создаются с использованием информационной сети блокчейн, функционирующей в соответствии с постановлением правления Национального банка Республики Беларусь от 14 июля 2017 г. № 280 «О функционировании информационной сети, построенной с использованием технологии блокчейн».

Декретом № 8 было установлено, что только резиденты Парка высоких технологий (ПВТ) имеют право на осуществление деятельности (операций) с токенами, либо такая деятельность осуществляется через них.

Сам цифровой знак (токен) – это запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределённой информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой (п. 12 Приложения 1 Декрета № 8). Такое определение позволяет сделать вывод о том, что любой объект гражданских прав может быть токенизирован. Это обстоятельство, в свою очередь, может означать, что общие положения гражданского законодательства применимы к операциям с токенами, если иное не установлено актами законодательства. Между тем в ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь само право владельца цифрового знака (токена) на объекты гражданских прав (цифровое право) прямо как объект гражданских прав не названо.

Токены могут удостоверявать права на объекты гражданских прав, они встраиваются в регулируемый рынок с помощью белорусских операторов криптоплатформ. Токены не являются законным платёжным средством и не обеспечиваются госу-

дарством. Согласно действующему законодательству к средствам платежа не относится криптовалюта, представляющая собой биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена.

Национальный стандарт бухгалтерского учета и отчетности «Цифровые знаки (токены)», утвержденный постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 6 марта 2018 г. № 16, устанавливает необходимость отражения в бухгалтерском учете токенов в зависимости от способа их получения и предполагаемого назначения. Собственные токены, созданные организацией для размещения, к бухгалтерскому учету не принимаются (п. 4).

Токен в Беларуси не является токеном, выпущенным в DLT-реестрах в качестве ценных бумаг, а определяется законодательством как актив. Оборот токенов не подпадает под законодательство о рынке ценных бумаг, секьюритизации, обязательства о лицензировании профессиональной и биржевой деятельности. В отношении резидентов ПВТ Декрет № 8 вывел ряд операций с цифровыми знаками за пределы применения закона о валютном регулировании в том смысле, что резиденты получили право совершения данных операций в рамках ПВТ.

Хотя термин «токенизированный актив» как таковой не закреплён в законодательстве Республики Беларусь, допускается выпуск токенов, курс которых следует за базовым активом (например, за акциями или драгоценными металлами), с правом держателя потребовать выкуп по цене базового актива. Требования к участникам торгов, в том числе к их допуску и информированию, отражены в правилах ПВТ.

Законодательными актами Президента Республики Беларусь установлены разрешенные для осуществления операции, а также определены признаки деятельности с токенами, которая является незаконной и (или) запрещается. Декрет № 8 отдельно не определяет, что такое «создание цифровых знаков (токенов)». Этот термин употребляется в законодательстве вместе с понятием «размещение цифровых знаков (токенов)», означающим совершение гражданско-правовых сделок либо иных юридически значимых действий, направленных на передачу цифровых знаков (токенов) их первым владельцам на условиях, определенных лицом, которое создало через резидента ПВТ такие цифровые знаки (токены), в том числе в целях привлечения от первых владельцев белорусских рублей, иностранной валюты, электронных денег, цифровых знаков (токенов) другого вида (п. 7 Приложения 1 к Декрету № 8). Под вышеупомянутым термином понимается так называемое первичное размещение токенов (*initial coin offering*), при котором размещение цифровых знаков подпадает под цель привлечения инвестиций.

Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 «Виды экономической

деятельности», утвержденный постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 5 декабря 2011 г. № 85 выделяет «вспомогательную деятельность в сфере финансовых услуг и страхования», куда входит «прочая деятельность, осуществляемая с цифровыми знаками (токенами)». Этот подкласс включает деятельность (операции) по созданию и размещению (не для собственного потребления) собственных цифровых знаков (токенов).

В Гражданском кодексе Республики Беларусь ничего не говорится о цифровых объектах как объектах гражданских прав, в нем нет упоминаний о деятельности по созданию и размещению цифровых знаков (токенов). Имеется только положение ч. 3 п. 1. ст. 1 относительно того, что «к предпринимательской деятельности не относится деятельность по приобретению и (или) отчуждению цифровых знаков (токенов)». Общие положения Гражданского кодекса Республики Беларусь о создании доходов общей собственности, управлении ими и их распределении, законодательные нормы, регулирующие совершение финансовых операций посредством смарт-контрактов, использование счетов эскроу приближают возможность токенизации разнообразных активов в Беларуси.

Что касается белорусского цифрового рубля, то Указ Президента Республики Беларусь от 16 января 2026 г. № 19 «О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов)» легализовал деятельность криптобанков (резидентов ПВТ) – акционерных обществ, совмещающих банковские операции и работу с токенами, установив двойной контроль со стороны Национального банка Республики Беларусь и ПВТ. Таким образом, данное акционерное общество (криптобанки, которые введены в государственную финансовую систему) получают возможность проводить операции с токенами.

Для банков определены конкретные сроки, когда нужно обеспечить возможность расчетов в цифровых рублях. Одновременно развивается применение цифрового рубля в бюджетном процессе.

Цифровой рубль на базе блокчейн схож с криптовалютами. Но криптовалюты представляют собой децентрализованные финансы, они «хранятся» у всех, кто когда-то участвовал в сделке. Цифровые валюты блокчейн являются централизованными, вся информация хранится в Национальном банке Республики Беларусь.

Из-за незначительного опыта реализации цифрового рубля пока сложно оценить практическую значимость нововведений. В научной среде также высказываются самые разные позиции по данному вопросу, среди них преобладают пессимистические. Цифровая валюта центрального банка – довольно затратный и рискованный проект, который вряд ли сможет оправдать возлагающиеся на него надежды [41, с. 187].

Несмотря на имеющийся потенциал, широкое внедрение цифровых валют центральных банков должно основываться на взвешенной денежно-кредитной политике, обеспечивающей устойчивость денежной системы страны и стабильность национальной валюты [42, с. 186]. Эмиссия цифровых рублей будет содействовать выполнению Национальным банком Республики Беларусь возложенных на него функций. Целями выпуска цифровых валют центральных банков определены совершенствование платежной системы, повышение спроса на национальную валюту за счет надежности и безопасности платежей, снижение затрат на денежное обращение, формирование платежной системы на основе цифровых валют центральных банков для трансграничных расчетов между странами – экономическими партнерами [43, с. 57].

Как видим, государства – участники ЕАЭС (Беларусь, Казахстан, Россия) вводят в гражданский оборот цифровые знаки (токены). Несмотря на риски, создание, размещение, обращение цифровых знаков (токенов) с помощью специальных инвестиционных интернет-платформ могут способствовать привлечению инвестиций. Так в условиях цифровой трансформации появляются цифровые инвестиции [44].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Реализация идеи цифровой трансформации общественных отношений в сфере экономики будет невозможна без правовых преобразований, в основе которых лежит политическая воля государства, направленная на решение задач цифровой экономики. В результате токенизации активов появляются «цифровые объекты», при определении правового режима которых следует учитывать их инвестиционную природу и возможность их использования при осуществлении инвестиций.

2. В рассмотренных юрисдикциях (на примере Беларуси, России, Казахстана) регулирование цифровых объектов находится на разных стадиях раз-

вития, наблюдаются некоторые различия в подходах к этому регулированию.

В целом для рассматриваемых стран характерно постепенное движение к легализации цифровых объектов и сбалансированному регулированию.

Специфика российской модели регулирования характеризуется особым подходом к определению правового статуса цифровых активов и порядку их обращения. Законодательное развитие постепенно получают практически все виды цифровых объектов.

Белорусские токены, или, как их часто называют, токенизированные облигации, по экономической сути аналогичны традиционным облигациям, а по технологической сути – ЦФА. Белорусское зако-

нодательство позволяет выпускать токены лишь для привлечения заемных средств, а рынок первичного размещения токенов Беларуси базируется на токенизации долговых обязательств. Порядок выпуска токенов для оформления прав на иные объекты в законодательстве пока не определен.

В Казахстане цифровизация экономических отношений, как правовое обеспечение функционирования цифровых объектов, носит комплексный характер, более сбалансированной является государственная политика в указанной сфере.

3. Цифровая экономика постепенно становится фундаментом современного инвестиционного процесса. Ее ключевая особенность заключается в трансграничном характере: цифровые активы, токены и платформы действуют одновременно в разных юрисдикциях, что может сделать национальные механизмы защиты инвесторов менее эффективными.

Одной из центральных проблем цифровой эпохи остается тот факт, что технологии развиваются быстрее, чем законодательство, и каждое государство стремится найти собственную модель правового регулирования, соответствующую уровню цифровизации экономики, общественным запросам и системе обеспечения цифрового суверенитета. Это обстоятельство порождает правовую неопределенность для ЕАЭС.

Различия в регулировании цифровых объектов, а также отсутствие унифицированного международного стандарта защиты инвестиций в цифровой экономике свидетельствуют о том, что регулирование цифровых активов не может быть универсальным: оно тесно связано с внутренними экономическими интересами и политической моделью государства. Различия национальных правовых систем и стратегий регулирования цифровых объектов сказываются на результатах поиска равновесия между инновационным развитием и правовой безопасностью.

Для успешного развития процесса цифровизации требуется выработка общей стратегии цифрового развития и согласованного законодательства.

Несмотря на то, что значительный массив вопросов в сфере цифровой экономики относится к сфере национального регулирования государств – членов ЕАЭС, встает задача гармонизации цифрового законодательства стран – участниц данного интеграционного объединения. На начальном этапе требуется сблизить терминологию, разработать единый понятийный аппарат, законодательно закрепить единую систему разновидностей цифровых объектов, определить их основные отличительные особенности с учетом технических характеристик цифровых объектов, квалифицировать цифровые объекты в качестве инвестиций и выработать обязательные требования к инвестированию в цифровые объекты (токенизированные активы) в целях защиты прав инвесторов (механизмы компенсации потерь инвесторов в случае мошенничества или технических сбоев, обеспечения кибербезопасности инвестиционных платформ).

Характеристики правовой сущности таких явлений, как цифровые (токенизированные) активы, процессы токенизации активов и осуществление операций с токенизированными активами, позволяют заключить, что цифровые инвестиции могут быть объединены в рамках единого правового режима.

Несмотря на предпринимаемые меры по правовому обеспечению цифровой трансформации общественных отношений, достаточно много теоретических и практических проблем в сфере цифровых инвестиций еще ждут решения. Пока из-за правовой неопределенности по-прежнему остро стоит проблема активизации привлечения цифровых инвестиций.

Очевидно, что в условиях постепенного перехода финансовых рынков к децентрализованным решениям, создания развитыми и развивающимися странами новой экосистемы, в основе которой технология блокчейн и технологии *Web 3.0*, правовое обеспечение инвестиционных процессов не может отставать от происходящих изменений.

Библиографические ссылки

1. Зеленкевич МЛ, Бондаренко НН, редакторы. *Цифровая трансформация экономики: теория и практика в интеграционных союзах*. Минск: Институт бизнеса БГУ; 2020. 227 с.
2. Вайпан ВА, Егорова МА, редакторы. *Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики*. Москва: Юстицинформ; 2019. 376 с.
3. Гирич МГ, Ермохин ИС, Левашенко АД. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах. *Вестник международных организаций*. 2022;4:176–192. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-04-07.
4. Староверова ОВ. Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровой валюты. *Цивилист*. 2022;3:6–15.
5. Маркевич ДС. Объекты правоотношений в сфере цифровой экономики: теоретический аспект. *Юстиция Беларуси*. 2020;1:76–79.
6. Власов АВ. Обзор понятий технологий распределенных реестров и цифровых активов в целях гармонизации их общего применения. *Russian Journal of Economics and Law*. 2022; 4:745–761.
7. Степанов ОВ, Цыганков ДГ. О формировании термина «цифровой знак (токен)» в юридической науке. *Вестник Белорусского государственного экономического университета*. 2023;6:92–98.
8. Хилjuta ВВ. Криптовалюта и токен – новые объекты гражданских прав. *Промышленно-торговое право*. 2018;3:21–23.
9. Воробей АВ. ICO как новая форма привлечения капитала. *Промышленно-торговое право*. 2017;10:22–26.
10. Салей ИВ, Артемьев НГ, Негареш СМ. Токен: понятие и правовая природа *Промышленно-торговое право*. 2018;2:45–48.

11. Савельев АИ. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений. *Закон*. 2018;2:36–51.
12. Новоселова Л. «Токенизация» объектов гражданского права. *Хозяйство и право*. 2017;12:29–44.
13. Санникова ЛВ, Харитонова ЮС. *Цифровые активы: правовой анализ*. Москва: Принт; 2020. 307 с.
14. Иванова СА, Горбачева ОЮ. Правовое содержание конструкции «цифровые финансовые активы». *Образование и право*. 2024;5:201–205.
15. Лисица ВН. Цифровые права и цифровая валюта как объект защиты в международном и российском инвестиционном праве. *Труды Института государства и права РАН*. 2023;18(4):134–149.
16. Лаптев ВА. Цифровые активы как объекты гражданских прав. *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018;2:199–204.
17. Манахова ИВ, Колмыков КА. Цифровые финансовые активы на современном финансовом рынке: систематизация опыта и трендов в России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2025;2:116–126.
18. Аникина ИД. Тенденции развития инвестиционных сделок с использованием цифровых финансовых активов в российской экономике. *Фундаментальные исследования*. 2023;12:8–12.
19. Сысоев НС, Мухамбеталиева ОР. Проблемы внедрения и перспективы развития цифровых финансовых активов в России. *Фундаментальные исследования*. 2024;3:48–52.
20. Агеев ВН, Власов АВ. Потенциал применения цифровых финансовых активов. *Финансовый журнал*. 2020;6:100–112.
21. Шубенкова КВ, Малахова ЕП. Особенности правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации. *Правовая парадигма*. 2024;4:92–97.
22. Бабанская АС. Угрозы и уязвимости легализации (отмывания) преступных доходов и финансирования терроризма в инфраструктурном секторе выпуска, учета и обращения цифровых финансовых активов. *Вестник евразийской науки*. 2025;17(2):91FAVN225.
23. Филиппова АИ, Самойлова АК. К вопросу совершенствования правового регулирования цифровых прав. *Криמיнологический журнал*. 2023;3:214–219.
24. Куницкая ОМ. Цифровые знаки (токены) в системе объектов гражданских прав и как инвестиции по законодательству Республики Беларусь. *Право.бу*. 2020;3:34–39.
25. Лаптева АМ. *Инвестиционные режимы. Правовые аспекты*. Москва: Юрайт; 2023. 284 с.
26. Городничев ИМ. Правовое регулирование в области цифровых активов (опыт Республики Казахстан). *Аграрное и земельное право*. 2025;2:266–268. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_2_266.
27. Амангельды АА. Внедрение норм о цифровых технологиях в законодательство Республики Казахстан. *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. 2021;3:34–43.
28. Қойшыбайұлы Қ, Копбаев ДЗ, Бидайшиева АБ. Правовое регулирование блокчейн и криптовалют: проблемы и перспективы выпуска токенов и их оборот на территории Республики Казахстан. *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. 2023;1:98–107.
29. Мустафаев МГ. Правовое регулирование интеграции цифрового пространства ЕАЭС. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2024;1:107–115.
30. Калугин ВИ. Адвокатура и защита прав инвесторов в цифровой экономике: коллизии юрисдикций и правовая определенность. *Евразийская адвокатура*. 2025;5:117–123. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_2_266.
31. Карапетян АМ. Развитие цифровых платформ в ЕАЭС: теоретические и практические аспекты. *Право и управление. XXI век*. 2025;3:108–119. DOI: 10.24833/2073-8420-2025-3-76-108-119.
32. Тулейко Е. Концепция цифровой платформы инвестиционных и инновационных проектов ЕАЭС. *Наука и инновации*. 2021;12:50–55. DOI: 10.29235/1818-9857-2021-12-50-55.
33. Семенов АЮ, Котова ВА. Токенизация финансовых активов: теория и практика в Республике Беларусь. В: Королёва АА, редактор. *Тенденции экономического развития в XXI веке. Материалы III Международной научной конференции; 1 марта 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 481–484.
34. Фазлиева ЛК. Цифровые активы в российском праве: правовая регламентация и правоприменительная практика. *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2023;4:63–66.
35. Кочергин ДА. Современная токенизация денег и активов: формы, особенности и перспективы для России. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2025;3:407–447. DOI: 10.17323/1813-8691-2025-29-3-407-447.
36. Савельев АИ. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав. *Закон*. 2017;8:136–153.
37. Толкачев АЮ, Жужжалов МБ. Криптовалюта как имущество – анализ текущего правового статуса. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2018;9:91–135.
38. Костко ВС, Скловский КИ. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2018;8:115–143.
39. Саженов АВ. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей. В: Лаутс ЕБ, редактор. *Современные информационные технологии и право*. Москва: Статут; 2019. с. 157–180.
40. Шайдуллина ВК. Зарубежный опыт использования цифровых финансовых активов в гражданском обороте. *Теория и практика общественного развития*. 2025;3:127–132. DOI: 10.24158/tpor.2025.11.31.
41. Толочко ОН. Правовая природа и перспективы цифровой валюты центрального банка. В: Михайловский ВС, Шидловский АВ, Шевко НМ, редакторы. *Совершенствование механизма государственного управления в условиях цифровизации общества и государства. Материалы Международного круглого стола; 29 сентября 2023 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2023. с. 181–188.
42. Ситник АА. Цифровые валюты центральных банков. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. 2020;9:180–186. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.73.9.180-186.
43. Осмоловец С. Зарубежный опыт эмиссии цифровой валюты центральных банков. *Банкаўскі веснік*. 2023;3:49–58.
44. Илюхина ДЮ. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в условиях цифровой экономики. *Предпринимательское право*. 2023;3:42–48.